

Чжоу Цзицзи, потерпев неудачу в попытке переубедить Чжун Минхэ, был вынужден уйти. Как раз в это время прояснилось дело, которое он поручил расследовать.

Подчинённый передал ему протокол допроса. Выяснилось, что один из чиновников Министерства ритуалов вознамерился втереться в доверие к Чжоу Цзицзи. Не осмелившись подступиться напрямую, он решил зайти через его адъютанта, чтобы внедрить своего человека в окружение Регента, и для этой цели планировал преподнести в дар собственную дочь.

Кто бы мог подумать, что всё пойдёт не по плану, и кувшин с вином по досадной ошибке окажется в руках совсем другого человека.

— Ваша Светлость, как прикажете с ним поступить?

— Зачем оставлять при себе того, чьи помыслы столь нечисты? — Чжоу Цзицзи положил протокол на стол, его взгляд был остр, как клинок.

Тот, кто способен на столь подлые уловки, кто знает, не применит ли их в будущем против самого маленького императора? Мальчик был чист и наивен, а императорский двор напоминал сточную канаву. Чжоу Цзицзи не мог позволить такому человеку находиться рядом с ними.

— Слушаюсь, — подчинённый принял приказ и удалился.

Чжоу Цзицзи устало потёр виски. В голове внезапно всплыл образ Чжун Минхэ: с покрасневшими уголками глаз, покорно лежащего под ним, а в следующее мгновение — уже свернувшегося в колючего ёжика, к которому было не подступиться.

Чжоу Цзицзи чувствовал, что все его прежние старания пошли прахом. Охваченный гневом, он вызвал тайного стража, который в тот вечер дежурил у Обители Белого Лотоса.

— Почему не остановили Его Величество? — Чжоу Цзицзи холодно посмотрел на стража, стоявшего на коленях.

Того пробил дрожь:

— Его Величество... он же... человек, столь важный для Вашей Светлости... Ваш слуга... Ваш слуга не посмел...

Эти тайные стражи, постоянно находясь при Чжоу Цзицзи, прекрасно знали о его чувствах к маленькому императору — это было во-первых. А во-вторых, это же был сам император, самолично возведённый его господином на трон вопреки всем протестам. Его статус был слишком велик, и страж попросту не знал, стоит ли его останавливать и можно ли вообще это делать. В итоге он решил не препятствовать, надеясь, что из этого выйдет нечто доброе, но... но господин, похоже, совсем не был этому рад.

— Вон отсюда! Получи двадцать палок! Чтобы впредь не смел принимать решения за меня!

— Слушаюсь... слушаюсь.

Лишь через три дня Чжун Минхэ пришёл в себя. Отрешённо глядя на Ли Дэли, у которого от слёз распухли глаза, он пробормотал:

— Евнух...

— Ох! — Ли Дэли, стоявший на коленях у кровати, тут же вытер слёзы. — Ваше Величество, я здесь! У вас что-то болит?

— Я... — Чжун Минхэ моргнул. — Я хочу есть...

— Хотите есть? Хорошо, хорошо! Я приготовил столько всякой вкуснятины, всё ждал, когда вы проснётесь! — Ли Дэли поспешно вскочил и крикнул распоряжение за дверь.

Чжун Минхэ протянул руку, коснулся покрасневших век евнуха и, склонив голову набок, спросил:

— Евнух, почему у вас глаза красные? Вы плакали?

— Ничего, ничего. На улице ветер сильный, вот и надуло, — Ли Дэли не удержался и шмыгнул носом.

Чжун Минхэ взял Ли Дэли за руку и придвинулся ближе к жаровне, обеспокоенно добавив:

— Тогда подойдите ближе к теплу, не простудитесь. Простуда — это так мучительно.

С самого детства он постоянно болел. Даже если кутался зимой в кокон из одеял, нехватка угля для отопления всё равно приводила к простудам. Стоило заболеть, как силы покидали его, голова становилась тяжёлой, начинались кашель и насморк, а лекарства стоили дорого — денег на них вечно не хватало, и хворь затягивалась на полмесяца.

Слыша такую заботу от своего господина, Ли Дэли почувствовал, как сердце сжимается от боли, и мысленно уже в тысячный раз проклял всех предков Регента.

— Да-да, Ваше Величество, мне не холодно!

Пока слуги приносили еду, на кровать запрыгнул толстенький пёстрый котёнок и свернулся калачиком рядом с Чжун Минхэ. Тот просиял, тут же прижал его к себе и, потираясь щекой о мягкую шёрстку, засмеялся:

— Хе-хе, Золотая Рыбка, ты пришёл!

Поскольку окрас кота напоминал золотую рыбку, он получил такое имя.

— Ну всё, Ваше Величество, отложите кота в сторону, давайте трапезничать, — Ли Дэли с прищуром наблюдал, как император ни за что не хочет отпускать животное.

— А Золотая Рыбка поел?

— Поел, конечно, он ни одной трапезы не пропускает.

— Ну и хорошо. — Чжун Минхэ отпустил кота, его внимание было полностью поглощено блюдами, которые расставляли слуги.

На подносах было столько вкусностей — ничем не хуже, чем на банкете. Глаза Чжун Минхэ загорелись, он тут же собрался встать, чтобы начать есть. Однако стоило ему пошевелиться, как всё тело пронзила боль, словно его натянули на дыбу. Он не мог понять, где именно болит, но чувствовал себя совершенно разбитым.

Ли Дэли тут же уложил его обратно, подложил под спину мягкую подушку, чтобы было удобнее, и принялся сам кормить господина рисовой кашей.

Ли Дэли был приставлен к маленькому принцу ещё когда тому было два года. Тогда тот был совсем крохой, не умел сам ни есть, ни одеваться, даже спал, только когда рядом был кто-то близкий. Хотя принц был привязчивым, он рос очень послушным, никогда не капризничал и не создавал проблем. Ли Дэли вкладывал в его воспитание всю душу и давно считал его своим собственным ребёнком.

Поскольку он сам вырастил этого мальчика, сердце его переполняли нежность и боль.

Чжун Минхэ опустил голову, чтобы выпить каши, и его шея изогнулась изящной дугой. Зоркий глаз Ли Дэли тут же заметил на коже след от укуса. Прошло уже три дня, а след всё ещё не сошёл. Его взгляд потемнел, и он вновь мысленно проклял Регента.

После трёхдневного сна нельзя было есть ничего жирного, поэтому ограничились лишь рисовой кашей и мелкими закусками. Ли Дэли тщательно вытер рот Чжун Минхэ и всё же не удержался от вопроса:

— Ваше Величество, вас что-нибудь беспокоит?

Чжун Минхэ немного помолчал, прислушиваясь к своим ощущениям, а затем покачал головой:

— Нет... но я чувствую такую усталость. Очень сильную усталость. Всё тело ноет. Почему я так устал, просто проспав?

— Ваше Величество не помнит? — глаза Ли Дэли заблестели, он решил прощупать почву.

— Помню что? — удивился Чжун Минхэ.

— В ночь торжества по случаю восшествия на престол, после окончания банкета, куда вы отправились?

— Я пошёл искать вас, но не нашёл. Потом почувствовал сладкий запах, нашёл в маленькой комнатке пирожные с османтусом — они были такие вкусные, я их съел, а потом... — Чжун Минхэ нахмурился, пытаясь вспомнить, но в голове была пустота.

— А потом? — сердце Ли Дэли подскочило к горлу; он боялся, что если господин вспомнит что-то плохое, то начнёт страдать или впадёт в истерику.

— Потом я почувствовал, что у меня сильно болит живот, и всё!

Ли Дэли с облегчением выдохнул и окончательно успокоился, прошептав:

— Хорошо, что не помните, хорошо, что не помните.

То, в каком состоянии был император несколько дней назад, до смерти напугало его. Даже несмотря на лучшие мази, синяки всё ещё не до конца прошли, но, к счастью, в основном они были на спине и пояснице — если хорошо скрывать, император может и не заметить.

— Но мой живот... он какой-то странный, — Чжун Минхэ посмотрел на свой живот и осторожно погладил его.

В ту ночь он отчётливо чувствовал внутри жар и покалывание. Это было совсем не похоже на голод — будто внутри него требовалось что-то заполнить, было странно, щекотно и... необычно.

— Что?! Что значит странный?! — Ли Дэли, только что успокоившийся, снова напрягся. Его глаза округлились, он начал разглядывать живот господина, думая про себя: Неужели Регент, не зная меры, причинил боль его драгоценному императору?!

— Ну... я вроде сыт, но чувство голода не проходит, и ещё немного побаливает...

Мой дорогой маленький император, нельзя же говорить только половину правды!

Ли Дэли поправил ему одеяло и произнёс:

— Наверное, это от того, что вы проспали три дня. Вашему Величеству нужно как следует подкрепиться, на кухне как раз варится куриный бульон, скоро будет готов.

— Я проспал три дня? — Чжун Минхэ от удивления широко раскрыл глаза. — Почему я спал так долго?

— Наверное, утомились на церемонии, а здоровье у Вас, Ваше Величество, хрупкое, вот организм и не выдержал, — Ли Дэли ответил, даже не покраснев.

Чжун Минхэ засомневался:

— Правда?

Встретившись с чистым и доверчивым взглядом императора, Ли Дэли твёрдо кивнул:

— Правда.

Чжун Минхэ всё ещё казалось, что усталость была вызвана чем-то иным, но найти другую причину он не мог. Впрочем, узнав, что скоро будет куриный бульон, он снова повеселел.

После обеда Чжун Минхэ немного поспал и проснулся только к вечеру. Как только спустились сумерки, некая зелёная фигура прошмыгнула в Императорскую врачебную коллегию.

Чжан Чжичунь как раз перебирал редкие лекарственные травы и от неожиданности чуть не выронил всё из рук.

— Ой, маленький господин, откуда вы взялись? Напугали меня до смерти! — Чжан Чжичунь похлопал себя по груди и смерил пришедшего взглядом.

Это был Чжоу Цзыси — изящный юноша, младший брат Чжоу Цзицзи и родной сын его приёмного отца.

Чжоу Цзыси выпалил прямо:

— Чжан Чжичунь, дай мне ещё одну пилюлю для зачатия. Ту, которую ты давал, я случайно потерял.

Чжан Чжичунь нахмурился, его взгляд стал суровым:

— Не выйдет. Это лекарство очень ценное, его не раздают направо и налево.

В истории Даюаня был период, когда соотношение мужчин и женщин сильно нарушилось: появилось слишком много одиноких мужчин, которые не могли найти жену, что привело к резкому падению рождаемости и нехватке новобранцев для армии. Тогдашний глава Императорской врачебной коллегии разработал рецепт пилюли, позволяющей мужчинам рожать детей и тем самым укреплять потомство. Со временем население страны увеличилось, а в народе вошла в моду «южная традиция» — браки между мужчинами стали обычным делом.

Ингредиенты для пилюли были чрезвычайно дорогими, а одна из них — и вовсе редчайшей, и по мере массового производства это растение вымерло. Пилюля стала запрещённым препаратом, о котором нынче мало кто знал, а достать её было практически невозможно.

— У меня есть деньги! Сколько скажешь, столько и дам, просто дай мне ещё одну! — Чжоу Цзыси вытащил увесистый кошель, доверху набитый золотыми слитками, и посмотрел на лекаря с надеждой, хлопая своими большими блестящими глазами.

— Маленький господин, послушайте моего совета: чувствами нельзя управлять насильно. Если вы поступите так, а господин Чэн потом узнает и рассердится — это не принесёт вам ничего хорошего.

Чжоу Цзыси тут же разозлился:

— Почему это не принесёт хорошего? Если я забеременею от него, разве он сможет меня бросить? А если посмеет — я скажу брату... я скажу брату...

— И что сделает Регент? — Чжан Чжичунь приподнял бровь. — Убьёт его?

Чжоу Цзыси испугался, замахав руками:

— Нет, нет, я не хочу, чтобы он умирал! Просто дай мне пилюлю, Чжичунь...

— Не дам! — тон Чжан Чжичуня был непреклонен.

— Пилюля есть только у тебя. Если я потерял ту, что была, а её найдёт кто-то другой и съест — случится беда! Если узнают, что ты тайно делал эти лекарства, мой брат не оставит тебя в живых! — Чжоу Цзыси, видя, что уговоры не работают, перешёл к угрозам.

Но Чжан Чжичунь не испугался. Лекарство было без цвета и запаха, легко растворялось в воде, и после его приёма даже при проверке пульса ничего нельзя было заподозрить — лишь спустя два месяца можно было понять, наступила ли беременность.

— О? А если Регент узнает, что ты, несмотря на советы, всё равно пытаешься навязаться человеку, который тебя не любит? Как думаешь, что он сделает с тобой?

Чжоу Цзицзи уже говорил ему, что Чэн И — не лучший выбор и не стоит с ним связываться, но он был влюблён! А любовь — это чувство, которое нельзя изменить.

— Ты! — Чжоу Цзыси сердито топнул ногой, лицо его покраснело, но поделать он ничего не мог. Он много лет дружил с Чжан Чжичунем, и знал: если тот что-то решил, переубедить его невозможно.

— Ненавижу тебя! — бросил Чжоу Цзыси и в ярости выбежал.

Чжан Чжичунь помрачнел и тяжело вздохнул.

<http://bllate.org/book/21172/2144764>